

А.И. Андреев

СССР И КИТАЙСКАЯ АННЕКСИЯ ТИБЕТА

Вопрос о том, какую роль СССР и лично И.В. Сталин сыграли в аннексии коммунистическим Китаем Тибета (1950–1951), до сих пор не получил освещения ни в отечественной, ни в западной историографии. Причина этому – недоступность для исследователей соответствующих документов как в российских, так и в китайских дипломатических и военных архивах. Тем не менее ряд уже опубликованных источников (например, стенограммы переговоров Сталина с Мао Цзедунем и Чжоу Эньлаем в 1950–1952 гг.), свидетельства устной истории (воспоминание одного из бывших советских военных инструкторов в КНР М.И. Демиденко), а также новейшие публикации западных историков о событиях тех лет позволяют вполне определенно говорить о том, что Советский Союз активно содействовал проведению крупномасштабной операции войск Народно-освободительной армии Китая (НОАК) против Тибета и в дальнейшем оказал китайским лидерам мощную политическую и дипломатическую поддержку на международной арене, которая помогла им удержать аннексированный Тибет под своим контролем.

Хорошо известно, что на момент прихода КПК к власти в Китае и провозглашения Китайской Народной Республики (1 октября 1949) Тибет являлся де-факто независимым государством, хотя и не признанным в качестве такового мировым сообществом. Лхасское правительство разорвало отношения с Пекином в конце 1912 г., когда тибетцы изгнали из своей страны китайские карательные войска ген. Чжао Эрфена (оккупировавшие Тибет в 1910 г.) и вместе с ними пекинского резидента (амбана) в Лхасе, а в начале 1913 г. XIII Далай-лама (1876–1933) объявил о независимости Тибета¹. В том же году фактически прервались и продолжавшиеся в течение полутора десятилетий отношения Тибета с Россией². Советскому правительству, однако, удалось их возобновить в 1922 г. и поддерживать почти до самого конца 1920-х годов. В это десятилетие Лхасу трижды (в 1922, 1924 и 1927 гг.) тайно, под видом буддийских паломников, посещали советские разведывательно-дипломатические миссии, с помощью которых молодая Советская республика пыталась завязать дружбу с тем же XIII Далай-ламой, чтобы использовать его в качестве орудия в своей тотальной борьбе с британским империализмом³. Не добившись своей цели, Москва утратила интерес к Тибету и, насколько известно, в последующие годы более не предпринимала попыток реанимировать свой диалог с Лхасой.

Говоря о советско-тибетских отношениях, следует отметить, что большевистская (чичеринская) дипломатия, признавая на словах де-факто независимый статус Тибета, вместе с тем не поддерживала стремление Лхасы к обретению полной независимости, полагая, что суверенный Тибет, в силу своей сопредельности с Индией, неизбежно станет объектом империалистической агрессии Англии. А потому советское руководство связывало будущее этого крупнейшего пригималайского государства с революцией в Китае, рассчитывая, что после ее победы и национального объединения страны Тибет добровольно войдет в состав Китайской федерации на правах автономного образования по примеру советских среднеазиатских республик. Этой же точки зрения под влиянием

Москвы по сути придерживались и китайские коммунисты, заявлявшие о своей приверженности принципам ленинской национальной политики – самоопределения наций и федерации.

Так, II съезд КПК (май 1922 г.) поставил в качестве ближайшей цели революции создание Китайской демократической федеративной республики на основе равноправия различных наций, живущих на территории Китая. «Монголии, Тибету, Китайскому Туркестану, – говорилось в решениях съезда, – предоставить автономию и превратить их в демократическую федерацию». А в 1945 г. КПК поддержала национальную политику Сунь Ятсена, предусматривавшую признание права наций на самоопределение и создание будущего Китая на основе федерации⁴.

Незадолго до прихода к власти Мао Цзедун, однако, решительно отказался от этих идей «романтического периода» китайской революции. Уже в начале сентября 1949 г. агентство Синьхуа заявило, что китайская НОАК намерена «освободить» всю территорию Китая, включая Тибет, Сикан, острова Хайнань и Формозу (Тайвань)⁵. Но освободить от кого? Китайская коммунистическая пропаганда тех лет утверждала, что тибетские власти находятся в руках империалистических и антикитайских сил («английских и американских империалистов»), и именно от них в первую очередь и необходимо было освободить «полуколонияльный» Тибет. Ясно, что такое заявление служило не более чем предлогом для оправдания агрессии, ибо в действительности во Внешнем Тибете (т.е. Тибете, непосредственно подчинявшемся контролю лхасского правительства) в то время находилось лишь шесть европейцев: глава британской миссии в Лхасе Х. Ричардсон, английские инженеры-контрактники Р. Фокс и Р. Форд, бывшие германские военнопленные, бежавшие из лагеря для интернированных в Дера-Дуне (Индия) Г. Харрер и П. Ауфшнайтер, и русский белогвардейский офицер Недбайлов, работавший электриком в Лхасе⁶.

Известия о планах Пекина вызвали панику в Тибете и побудили тибетское правительство (Кашаг) принять экстренные меры с целью защиты суверенитета своей страны. Прежде всего было решено отправить специальные дипломатические миссии в США, Великобританию, Индию и Непал, которые должны были получить признание независимости Тибета правительствами этих стран, а также отдельной делегации в Гонконг для переговоров с новыми властями Китая. Кроме этого, Кашаг заявил о намерении Тибета вступить в Организацию Объединенных Наций при поддержке США и Великобритании, что позволило бы тибетскому правительству легитимизировать свой де-факто суверенный статус. Эти усилия тибетцев, однако, не увенчались успехом – Лондон и Вашингтон были против отправки Лхасой «миссий доброй воли», считая, что такие миссии бесполезны и могут спровоцировать коммунистическую агрессию против Тибета. Равным образом англо-американская дипломатия не поддержала и идею вступления Тибета в члены ООН, полагая, что такой шаг несомненно вызовет противодействие со стороны постоянных членов Совета Безопасности – СССР и Китая (в данном случае гоминьдановского Китая). В то же время Государственный департамент США и лично президент Г. Трумэн выразили готовность оказать Лхасе военную помощь путем поставок тибетской армии современного американского оружия. Трумэн также намеревался использовать антисоветски настроенных синьцзянских мусульман и монгольских и тибетских буддистов в идеологической борьбе против СССР в Азии: в частности, осенью 1949 г. он предложил финансировать секретные операции ЦРУ во Внутренней Монголии, Синьцзяне и Тибете из средств Программы военной помощи (Military Assistance Program – MAP)⁷.

Что касается СССР, то хорошо известно, что Москва оказывала военно-техническую и финансовую помощь китайским коммунистам и консультировала их по различным вопросам на заключительном этапе гражданской войны в Китае. Так, во время секретной поездки в начале 1949 г. в Сибайпо (штаб-квартира политбюро ЦК КПК на севере Китая) А.И. Микоян обсуждал с Мао среди прочего вопрос о Монголии и Синьцзяне и передал ему рекомендации Сталина относительно национальной политики КПК. «Я передал Мао Цзэдуну, – сообщал в Москву Микоян, – что наш ЦК не советует Китайской компартии чересчур размахиваться в национальном вопросе путем предоставления независимости национальным меньшинствам и тем самым уменьшения территории Китайского государства в связи с приходом к власти китайских коммунистов. Следует дать национальным меньшинствам автономию, не независимость. – Мао Цзэдун обрадовался этому совету, но по его лицу видно было, что он не собирается давать независимости кому бы то ни было»⁸.

Во время визита в Москву в июне – августе того же года секретаря ЦК КПК Лю Шаоци вновь обсуждался вопрос о Синьцзяне, при этом Сталин заявил, что «не следует оттягивать занятие Синьцзяна, потому что оттяжка может повлечь за собой вмешательство в дела Синьцзяна англичан». Вообще же, по его мнению, следовало «в интересах укрепления обороны Китая заселить все приграничные районы китайцами». О Тибете, насколько можно судить по доступным документам, речь прямо не шла, однако он упоминался в докладе ЦК КПК от 4 июля 1949 г., переданном Лю Шаоци Сталину. В первом разделе доклада («Современное положение китайской революции») говорилось о планах китайских коммунистов «освободить» силами Народно-освободительной армии в течение лета и осени 1949 г. основные провинции Китая, включая соседние с Тибетом Сычуань, Сикан, Цинхай. «На этом военные действия против Гоминьдана в основном закончатся, – писал Лю Шаоци. – Остается еще освободить Формозу, остров Хайнань, Синьцзян и Тибет. *Вопрос о Тибете необходимо решать политическим путем, а не путем военных действий* (курсив мой. – А.А). Формоза, Хайнань и Синьцзян будут освобождены в течение будущего года»⁹.

Таким образом, создается впечатление, что вопрос об «освобождении» Тибета на тот момент оставался еще открытым, при этом руководство КПК отдавало предпочтение тактике мирного присоединения Тибета к Китаю путем заключения соответствующего политического соглашения с Лхасой.

Советский Союз приветствовал победу коммунистов в Китае и создание Центрального народного правительства во главе с Мао Цзэдуном, и поэтому немедленно разорвал дипломатические отношения с гоминьдановским правительством, временно обосновавшимся в Кантоне (до отъезда на Тайвань), и потребовал удаления его представителя из ООН. 16 декабря в Москву прибыла китайская делегация, возглавляемая Мао Цзэдуном и проф. Чен Бода для приветствия И.В. Сталина в связи с его 70-летием и проведения переговоров и консультаций с Советским правительством. Фактически Мао приехал в СССР, чтобы просить Сталина об оказании КНР помощи (военно-технической, экономической, кадровой и т.д.), хорошо понимая, что без нее ему едва ли удастся осуществить главную цель своей революции – завершить объединение Китая.

Во время одной из бесед китайского лидера с Сталиным, состоявшейся 22 января, зашел разговор о Тибете. Мао поблагодарил Сталина за предоставление китайским коммунистам полка советских ВВС, который помог НОА в переброске войск в Синьцзян, и просил оказать такую же помощь в осуществлении НОА других военных операций, в особенности в «*подчинении Пекину Тибета*». Более конкретно речь шла о пере-

броске по воздуху продовольствия войскам Лю Бочана, готовившимся к тибетской кампании. На эту просьбу Сталин ответил следующими словами: «Это хорошо, что Вы готовитесь к наступлению. *Тибетцев надо взять в руки*. По поводу авиаполка поговорим с военными и дадим Вам ответ»¹⁰. Таким образом, Сталин дал добро на вторжение НОАК в Тибет, ибо Мао едва ли решился бы на такой шаг без санкции Москвы. К тому же ему требовалась советская помощь в переброске в Тибет китайских красноармейцев.

Тем временем (весной 1950 г.) в Китай через Индию выехала тибетская миссия во главе с министром финансов Ц. Шакабпой для переговоров с коммунистическим правительством Китая. Тибетцы, однако, не смогли получить визу на въезд в Гонконг, где предполагалось провести такие переговоры, ибо губернатор Гонконга счел их приезд нежелательным. 8 сентября Шакабпа встретился в Дели с премьер-министром индийского правительства Джавахарлалом Неру, который в целом придерживался британской позиции в вопросе о статусе Тибета. «Правительство Индии будет продолжать политику британского периода, считая Тибет внешне частью Китая, но внутренне независимым», – заявил Неру. Индийский премьер обещал просить китайское правительство не посылать войска в Тибет, но дал при этом понять своему собеседнику, что если тибетцы будут настаивать на полной независимости Тибета, им будет трудно достичь соглашения с Китаем¹¹. Со своей стороны Шакабпа пытался убедить Неру, что Тибет должен быть признан «независимым буферным государством», ибо при отсутствии буфера между двумя сильными державами (Индией и Китаем) неизбежно будут возникать трения. Поэтому сохранение суверенного Тибета должно быть выгодно Индии.

Через некоторое время в Дели приехал новый китайский посол Юань Чжуньсинь, с которым Шакабпа тут же вступил в переговоры. Однако они не принесли удовлетворительного результата. Юань Чжуньсинь, который в действительности не был заинтересован в переговорах с Лхасой, поскольку решение о военном походе НОАК в Тибет уже было принято Пекином, выдвинул заведомо неприемлемые для тибетцев требования, смысл которых сводился к упразднению независимого статуса Тибета. По сути тибетцам был предъявлен ультиматум, главные пункты которого гласили: 1) Тибет признает, что он является частью Китая; 2) оборона границ Тибета обеспечивается Китаем; 3) все политические и торговые отношения Тибета с зарубежными странами будут осуществляться через Китай¹². Кашаг, разумеется, не принял китайских «предложений», но прежде чем Шакабпа успел передать ответ тибетского правительства Юань Чжуньсиню, китайские войска 7 октября неожиданно вторглись в Восточный Тибет, и таким образом началось «мирное освобождение» Тибета.

Малочисленная и плохо обученная тибетская армия не смогла оказать серьезного сопротивления бойцам НОАК. Уже через две недели пала столица Кама Чамдо, и тем самым открылся прямой путь на Лхасу. 26 октября 1950 г. правительство Индии заявило протест Пекину в связи с вторжением китайской армии в пределы Тибета; агрессивные действия КНР осудило и английское правительство. Тем временем (7 ноября) Шакабпа направил генеральному секретарю ООН обращение Кашага и Цонгду (Национального собрания), в котором китайская интервенция была названа «вопиющим актом агрессии». В результате представитель Сальвадора Г. Кастро предложил включить в повестку дня Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН в качестве дополнительного пункта вопрос о «вторжении в Тибет иностранных сил» – инициатива, по-видимому, инспирированная США¹³. 24 ноября, неделю спустя после того, как Далай-лама был объявлен светским и духовным правителем Тибета, это предложение подверглось обсуждению в рамках Генерального комитета. Великобритания и вслед за ней Индия (признавшие КНР, в отличии от

США) считали, что Тибет вправе обратиться за помощью в ООН, но выступили против проведения публичных дебатов по тибетскому вопросу и предложили отложить его рассмотрение «на некоторое время». Индийский представитель, в частности, заявил, что поскольку китайские войска, достигнув Чамдо, прекратили наступление, правительство Индии уверено, что китайско-тибетский конфликт может быть урегулирован мирным путем, и такое урегулирование может обеспечить Тибету автономный статус, которым он фактически пользовался в течение нескольких десятилетий, сохраняя в то же время историческую связь с Китаем¹⁴.

Представитель СССР (Я.А. Малик) в принципе согласился с предложением Великобритании, но при этом счел необходимым довести до сведения ГА мнение советской делегации. «Тибет является неотъемлемой частью Китая, и его дела находятся в исключительной компетенции китайского правительства. Представитель Сальвадора ... не привел каких-либо аргументов, подтверждающих, что Тибет был независимой страной, подвергшейся вторжению китайских войск. Сюзеренитет Китая над Тибетом признавался в течение длительного времени Соединенным Королевством, Соединенными Штатами и СССР. Поэтому вопрос (о Тибете) подлежит национальной юрисдикции Китая; ООН не вправе рассматривать его. В противном случае эта (организация) будет нести ответственность за незаконное вмешательство во внутренние дела китайского народа, который обрел свободу после многих столетий иноземного угнетения. А поскольку это так, советская делегация будет голосовать за то, чтобы отложить рассмотрение предложения, внесенного представителем Сальвадора, или даже полностью снять его с обсуждения»¹⁵.

После того как западные державы (США и Великобритания) отказались принять тибетскую миссию, а ООН уклонилась от рассмотрения жалобы Тибета, положение Лхасы стало безнадежным. Тибетцам не оставалось ничего другого как вступить в переговоры с пекинским правительством и принять предложенные им условия «капитуляции». В результате глава тибетской делегации губернатор Кама Наванг Джигме Нгабо под давлением Пекина подписал 23 мая 1951 г. «Соглашение о мерах по мирному освобождению Тибета», более известное как «Соглашение из 17 пунктов»¹⁶. Коммунистические власти Китая тут же обнародовали договор, не дожидаясь его ратификации Кашагом и Далай-ламой ввиду огромного политического значения этого документа. Впрочем, подписание соглашения, по мнению английского историка Церинга Шакья, нельзя считать вполне легитимным – Нгабо не был уполномочен тибетским правительством подписывать какое-либо соглашение с Пекином и потому «его решение подписать соглашение являлось *ultra vires*» (превышением полномочий)¹⁷. Это дало основание Лхасе заявить о своем непризнании соглашения, тем не менее Кашаг не решился денонсировать его, не выслушав объяснений Нгабо.

«Соглашение из 17 пунктов» окончательно ликвидировало независимость тибетского государства. Впервые в многовековой истории китайско-тибетских отношений Китай установил суверенитет над Тибетом. Согласно ст. 1 Соглашения Тибет должен был «вернуться в великую семью народов матери-родины», т.е. стать частью Китая. В то же время тибетскому народу предоставлялось право на осуществление национальной областной автономии – «под общим руководством Центрального народного правительства». В самом Тибете соглашение вызвало неоднозначную реакцию: правительство (Кашаг), Далай-лама и значительная часть тибетского населения выступили против подписанного каломом Нгабо договора, однако в стране имелись влиятельные политические элиты, считавшие Соглашение вполне приемлемым и верившие в возможность мирного сосу-

ществования Тибета и Китая. Наибольшую поддержку оказало Соглашению буддийское духовенство. В конце концов его на словах одобрил и Далай-лама.

«Мирное освобождение» Тибета продолжилось, и уже 9 сентября передовые части НОАК вступили в тибетскую столицу. В СССР это событие не осталось незамеченным. Советские газеты, сообщая о нем (как и прежде со ссылкой на китайское агентство Синьхуа), отметили, что жители Лхасы (около 30 тыс. тибетцев, китайцев и мусульман) «горячо приветствовали» китайский отряд и представители духовных и светских властей Тибета поднесли его командиру цветы и подарки¹⁸. В то же время собкор «Правды» в Пекине (Л. Делюсин) подчеркнул большое политическое значение события: «Вступление войск НОА в Лхасу способствует дальнейшему укреплению мира и безопасности на границах КНР, а следовательно, способствует поддержанию мира и безопасности в Азии».¹⁹

Победоносный тибетский «блицкриг» китайских коммунистов все же внушал некоторые опасения руководству СССР в связи с крайне напряженной обстановкой в Азии, чреватой столкновением с США. Основными очагами напряженности в то время являлись Корейский полуостров, где в 1950 г. вспыхнула война между КНДР и республикой Корея (поддерживаемых соответственно СССР и США), и остров Тайвань, где назревал военный конфликт между гоминьдановскими силами и КНР, за спиной которых опять-таки стояли Вашингтон и Москва. В этой ситуации Тибет, вновь не по своей воле, оказался между двумя противоборствующими сверхдержавами.

Тем временем КНР обратилась за помощью к СССР в решении своих неотложных военно-политических и хозяйственных задач. В августе–сентябре 1952 г. в ходе визита в Москву премьер Государственного административного совета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай просил Сталина направить в Китай дополнительное количество советских специалистов разных профилей, главным образом военных инструкторов, финансовых экономистов и преподавателей. Во время их беседы, состоявшейся 3 сентября, Чжоу Эньлай завел речь о политике Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии и Тибета, при этом он отметил, что руководство КНР придерживается мирной тактики: «войск не посылать, а воздействовать мирным путем на эти страны». Именно таким путем КНР старается воздействовать на Бирму, а также на Тибет.

Точка зрения Сталина была иной. «Тибет – это часть Китая. В Тибете надо иметь китайские войска», – сказал он Чжоу Эньлаю. В отношении же Бирмы посоветовал действовать осторожнее («Хорошо, если бы в Бирме было прокитайское правительство. В бирманском правительстве немало жуликов, изображающих из себя каких-то деятелей»). Чжоу Эньлай затем сообщил Сталину, что китайские войска были введены в Тибет год назад и теперь находятся на границе с Индией. «Вопрос о том, чтобы в Тибете были китайские войска, бесспорный», – твердо заявил он. В то же время китайский премьер отметил большие трудности в поддержании связи с Тибетом – обычные, двухмоторные самолеты не могут долететь до Лхасы, для этого нужны 4-моторные транспортные самолеты, оборудованные кислородными приборами и приборами против обледенения. КНР хотела бы заказать в Советском Союзе 20 таких самолетов.

Сталин обещал помочь Китаю: «сперва мы дадим 10, а затем еще 10», в то же время он указал на необходимость постройки шоссейной дороги из Китая в Тибет. «Без дороги трудно поддерживать в Тибете должный порядок. Тибетские ламы продаются кому угодно: и американцам, и англичанам, и индусам – всем, кто больше заплатит». Чжоу Эньлай согласился, что тибетские ламы «настроены враждебно». Весной 1952 г. они готовили бунт, но китайскому народному правительству удалось подавить бунтов-

щиков. В результате брат Далай-ламы бежал за границу. Что же касается постройки дороги, соединяющей Китай с Тибетом, то Чжоу Эньлай отметил, что такая дорога уже строится, но ее строительство займет много времени (весь 1953 и часть 1954 г.). В заключение беседы Сталин вновь подчеркнул важность постройки дороги в Тибет и необходимость держать в Тибете китайские войска²⁰.

Советский Союз несомненно стремился помочь Китаю в установлении полного контроля над Тибетом, ибо это отвечало его собственным военно-стратегическим интересам в Азиатско-Тихоокеанском регионе на раннем этапе «холодной войны», тогда как США хотели подтолкнуть тибетское правительство к оказанию вооруженного сопротивления оккупировавшим страну китайским войскам. Эта помощь Москвы относилась в основном к дипломатической и военной сферам. Сталин скорее всего сдержал свое обещание и предоставил Пекину авиаполк для переброски войск НОАК в Тибет и два десятка 4-моторных самолетов для поддержания связи с Лхасой.

По сообщению М.И. Демиденко (в начале 1950-х работал в КНР в качестве военного переводчика), советские военные советники пришли в Тибет вместе с китайской Красной армией. Затем (приблизительно в 1952 г.) Лхасу посетила небольшая группа инженеров, чтобы выбрать место для строительства первого в Тибете аэродрома. Они провели топографическую съемку и разметку летного поля в 60 км к северо-западу от Лхасы. Когда постройка аэродрома (вероятно, также по советскому проекту) была закончена, советские летчики совершили два испытательных полета в Лхасу на самолетах Ли-2, при этом один из самолетов разбился. Летом 1954 г. состоялась большая инспекционная поездка советников в Тибет вместе с командованием НОАК, чей штаб базировался в Ланьчжоу (провинция Ганьсу). Они проехали через всю страну, с севера на юг, посетили Лхасу и закончили поездку в Западном Тибете, выйдя к границе с Индией, где дислоцировались китайские пограничные гарнизоны²¹.

Сталинские рекомендации руководству КПК в тибетском вопросе и военная помощь, оказанная Москвой одному из командиров НОАК Лю Бочану, несомненно сыграли важную, если не решающую, роль в подчинении Тибета Китаю. Здесь, однако, необходимо отметить, что у китайских лидеров первоначально не было единой политической программы в отношении Тибета. Внутри руководящего ядра КПК, как показывает исследование М. Голдстейна, происходила острая полемика по вопросам политики и стратегии между двумя группировками, представленными Северо-западным и Юго-западным военно-административными бюро (комитетами), соответственно связанными с 1-м и 2-м армейскими корпусами, наступавшими на Тибет с двух разных сторон. Под контролем Северо-западного бюро (СЗБ), во главе которого стоял Пен Дехуа, находились провинции Цинхай, Ганьсу, Синьцзян, Нинься и Шаньси; Юго-западное бюро (ЮЗБ), возглавлявшееся Лю Бочаном и Дэн Сяопином, контролировало провинции Сычуань, Сикан, Юньнань, Гуйчжоу и (после 1951 г.) Тибет. Конфликт между СЗБ и ЮЗБ имел место в рамках Тибетского рабочего комитета (ТРК), созданного Пекином главного административного органа в Тибете. Собственно, сущность разногласий сводилась к вопросу: что делать с Тибетом. Чжан Гохуа (1-й секретарь ТРК) и члены ЮЗБ являлись сторонниками относительно мягкой линии Мао Цзэдуна, который считал, что китайским коммунистам при работе в Тибете следует уделять основное внимание национальному и религиозному вопросам и не торопиться с проведением реформ. Тибетскому правительству и Далай-ламе следовало «предоставить приоритет», ибо «завоевание» Далай-ламы могло сыграть решающую роль в «обеспечении долговременной стабильности и безопасности Китая в Тибете». Мао также полагал, что можно отложить осуществление положений «Соглаше-

ния из 17 пунктов», которое не нравилось тибетскому правительству, в том числе создание Военно-административного бюро в Тибете²².

С другой стороны, Фан Мин (помощник 1-го секретаря ТРК) и члены СЗБ не видели смысла в попытках «завоевать» лхасскую религиозную и светскую элиты с целью реформирования Тибета. В их глазах тибетские лидеры являлись «реакционерами» и «раскольниками» и поэтому КПК следовало отобрать у них власть как можно скорее и осуществить в полном объеме соглашение 1951 г. Главную ставку представители этой группировки делали на Панчен-ламу и его приверженцев, считая их «прогрессистами» в отличие от «реакционной» лхасской элиты. Если предоставить автономный статус владениям Панчен-ламы («Задний Тибет»), рассуждал Фан Мин, то Панчен смог бы быстро начать проведение земельных реформ на своей территории. А это побудило бы крестьян во владениях Далай-ламы («Передний Тибет») потребовать аналогичных реформ у лхасского правительства. По мнению Фан Мина и других сторонников «жесткой тактики», основной упор следовало делать не на культурно-этнических и религиозных аспектах, а на классовой борьбе, чтобы быстро трансформировать Тибет вместе с остальным Китаем²³. «Мягкая линия» Мао Цзэдуна, которую Голдстейн называет «стратегией постепенных мер» (gradualist strategy), однако потерпела неудачу, и КПК после Лхасского восстания весной 1959 г. пришлось перейти к жестким мерам в Тибете.

Москва, судя по публикациям в «Правде» и «Известиях», поддерживала Мао Цзэдуна и его осторожную и гибкую тактику – курс на сотрудничество с тибетским местным правительством и постепенное привлечение на китайскую сторону наиболее влиятельных политических элит в Тибете, то, что получило название политики единого фронта с «верхами». Руководство СССР внимательно следило за тем, как китайские коммунисты осуществляют преобразования в Тибете. И действительно, нельзя не признать, что КПК удалось достичь немалых успехов в реализации тех статей соглашения 1951 г., которые предусматривали развитие промышленности, сельского хозяйства и просвещения. В Тибете в 1950-е годы возникли первые промышленные предприятия, были проложены шоссейные дороги (Сикан-Тибетское и Цинхай-Тибетское шоссе, а также дороги, соединяющие основные населенные пункты внутри страны), налажена регулярная почтово-телеграфная связь (между Чунцином, Лхасой и Шигацзе), начали работать радиостанции (в Лхасе, Шигацзе и Чамдо), открылись первые светские школы, больницы и поликлиники, началась подготовка кадровых работников-тибетцев²⁴.

Москва, разумеется, приветствовала все эти достижения, которые в конечном счете должны были привести к интеграции Тибета в составе Китая. В СССР в конце 1940-х – 1950-е годы в атмосфере братской дружбы и сотрудничества с Китаем наблюдался новый всплеск интереса к Тибету: переиздавались труды знаменитых русских путешественников по Тибету и Центральной Азии (Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский, М.В. Певцов, П.К. Козлов, Г.Н. Потанин и др.), публиковались книги и статьи отечественных и зарубежных авторов (просоветской ориентации) – ученых и журналистов, в которых рассказывалось о новом, «освобожденном» Тибете.²⁵ В 1955 г. в Тибете впервые побывали советские журналисты – В.В. Овчинников и В.Б. Кассис, совершившие по приглашению Госсовета КНР вместе с группой корреспондентов из разных стран большое путешествие на советских автомобилях ГАЗ-69 через юго-восточные районы страны по новому, только что построенному Цинхай-Тибетскому шоссе, по маршруту Ченду – Лхаса – Шигацзе.

В опубликованных ими книгах-отчетах о поездке они нарисовали сильно приукрашенную, идеализированную картину «свободного» Тибета, строящего новое светлое бу-

дущее. Путешественникам, между прочим, удалось встретиться и поговорить с обоими буддийскими иерархами – Далай-ламой и Панчен-ламой, которые положительно отзывались о происшедших в Тибете переменах после «мирного освобождения» страны Китаем, особо отмечая прекращение старой «национальной розни» и восстановление внутреннего единства Тибета. По словам Далай-ламы, со времени подписания Соглашения с Китаем тибетский народ «оставил путь, который вел к мраку, и пошел по пути, ведущему к свету ...»²⁶. В то же время Овчинников обратил внимание на тесное сотрудничество Панчен-ламы и его администрации (совета «Каньбу») с центральным правительством в Пекине – они оказывают активную поддержку культуре и хозяйственным начинаниям государства на юге Тибета и провели в жизнь первые мероприятия, направленные на улучшение жизни тибетского народа²⁷.

Пекин откровенно заигрывал с Далай-ламой и Панчен-ламой, пытаясь привлечь их на свою сторону. Осенью 1954 г. оба тибетских лидера по приглашению Мао Цзедунa посетили Пекин для участия в торжествах, посвященных 5-летней годовщине КНР. На приеме, устроенном по этому поводу китайскими властями, Далай-лама впервые встретился с руководителями Советского государства Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным, которые не произвели на него большого впечатления в отличие от пандита Неру²⁸. В своих мемуарах Далай-лама пишет, что сидевший рядом с ним за банкетным столом советский посол в Китае «выказал дружелюбие и интерес» к его впечатлениям о социализме. Когда Далай-лама ответил, что видит в социализме большие возможности, посол тут же пригласил его посетить СССР. Это предложение показалось Далай-ламе заманчивым, и у него возникло сильное желание совершить такую поездку в качестве рядового члена какой-нибудь делегации, которое ему, однако, не удалось осуществить.²⁹ Вообще же в тот период Далай-ламе, по его собственному признанию, нравился марксизм: в нем он прежде всего видел «систему, основанную на всеобщем равенстве и справедливости по отношению ко всем людям, что провозглашалось панацеей от всех бед. Единственным недостатком марксизма с теоретической точки зрения было отстаивание «чисто материалистического взгляда на человеческое существование», с которым Далай-лама не мог согласиться. Не нравились Далай-ламе и методы, которые китайцы использовали для достижения своих идеалов.

В 1954 г. произошли еще два важных события, непосредственно отразившиеся на дальнейшей судьбе Тибета: принятие первой конституции КНР, закрепившей положение о районной национальной автономии, и подписание китайско-индийского договора, в котором правительство Индии признало суверенитет Китая над Тибетом. Особенно значимым был договор с Индией – фактически он означал официальное международное признание такого суверенитета и тем самым предоставил пекинским властям свободу действий в Тибете. Теперь они могли действовать без оглядки на Индию и западные страны и не опасаться их вмешательства на стороне тибетского правительства³⁰. Оба эти события подтолкнули центральное правительство Китая к проведению административной реформы в Тибете – учреждению в Лхасе Подготовительного комитета по созданию Тибетского автономного района (ПКАР) во главе с Далай-ламой (председатель), Панчен-ламой и Чжаном Гоуа (заместители председателя). Этот орган государственной власти, напрямую подчиненный Госсовету, должен был стать новым и фактически единственным правительством Тибета, заменив собой местные органы управления – администрацию Далай-ламы (Кашаг), совет «Каньбу» при Панчен-ламе и Народно-освободительный комитет Чамдо, ведавший делами Восточного Тибета³¹.

Создание ПКАР вызвало большое недовольство тибетцев, которое усилилось после того, как центральное правительство, вопреки собственным заверениям и положе-

ниям Соглашения 1951 г., приступило в декабре 1955 г. к проведению земельных реформ в Тибете. Эти реформы (безвозмездная конфискация монастырских земель и введение кооперативной системы землепользования) неизбежно привели к конфронтации с ламаистским духовенством, остававшимся главной политической силой в стране. Во второй половине 1950-х начались стихийные антикитайские выступления в восточных районах Тибета, в Каме и Амдо, которые вскоре приняли характер широкомасштабных военных действий, по сути партизанской войны, с целью завоевания независимости Тибета. Потерпев поражение в боях с НОАК, отряды кампа и амдова переместились в южный Тибет, где в районе Лока создали свою основную базу. Далай-лама и лхасские власти не препятствовали этому, но и не оказывали какой-либо помощи повстанцам, хотя и сочувствовали их борьбе.

Эта борьба восточно-тибетских племен получила поддержку США: в декабре 1955 г. американский президент Д. Эйзенхауэр разрешил шефу ЦРУ Аллену Даллесу приступить к разработке секретных операций с целью подрыва «международного коммунизма», что привело к созданию различных подпольных групп и отрядов сопротивления. Известно, что ЦРУ подготовило для диверсионной борьбы на базе Кэмп Хейл (Колорадо) в течение 6 лет примерно 170 тибетцев, которые затем были заброшены в Восточный Тибет различными способами. Американцы также доставляли камским мятежникам оружие и боеприпасы, которые сбрасывались с самолетов³².

Поддержка США тибетских повстанцев, однако, носила ограниченный характер и не привела к их существенному усилению. Объясняется это тем, что Вашингтон в своей антикитайской политике гораздо больше рассчитывал на укрепившийся на Тайване режим Чан Кайши, чем на другие оппозиционные Пекину силы, включая тибетское повстанческое движение и тибетскую эмиграцию в Калимпонге.

В марте 1959 г. в Лхасе неожиданно вспыхнуло восстание, которое затем перекинулось и на другие районы центрального Тибета. Это восстание было стихийным и имело сугубо антикитайскую направленность, отражавшуюся в главных требованиях восставших: «изгнать ханьцев» и «восстановить независимость Тибета». Ни ЦРУ, ни тибетская эмиграция не были причастны к нему. Пекинские власти быстро и решительно подавили «мятеж» тибетцев, и 23 марта над дворцом Потала – впервые в истории Тибета – взвился пятизвездный красный флаг КНР. Лхасское восстание имело трагические последствия для Тибета: роспуск местного правительства, заподозренного Пекином в организации мятежа, бегство Далай-ламы в Индию и массовый исход тибетцев со своей родины. К началу 1960 г., когда китайским властям удалось полностью восстановить контроль над Тибетом, страну покинули 80 тыс. тибетцев, в основном крестьяне, скотоводы и монахи, бежавшие в Индию, Бутан и Непал. (Для сравнения всего в собственно Тибете, т.е. на территории, находившейся под непосредственной юрисдикцией лхасского правительства, которая и явилась основной ареной восстания, в то время проживали 600 тыс. тибетцев.) В ходе подавления восстания, между мартом 1959 г. и сентябрем 1960 г., в Лхасе и на остальной территории Тибета было убито 87 тыс. тибетцев, 25 тыс. человек арестованы³³.

Главный итог лхасского восстания – установление жесткого военного контроля частей НОАК над всей территорией Тибетского района и прекращение действия Соглашения 1951 г. По мнению Ц. Шакья, «восстание 1959 г. положило конец попытке добиться сосуществования между Коммунистическим Китаем и Буддийским Тибетом. Бегство Далай-ламы символизировало окончательную гибель Тибета как автономного субъекта в рамках Китайской Народной Республики». Соглашение 1951 г., утверждает Шакья, с са-

мого начала было обречено на провал, поскольку подписавшие его стороны «видели в нем только то, что хотели видеть»: тибетцы – гарантию своей автономии и сохранения существующего статуса Далай-ламы, китайцы – признание Тибетом верховной власти Китая³⁴. Однако реализовать эти диаметрально противоположные цели на практике оказалось невозможно.

Драматические события в Тибете получили большой международный резонанс. Ведущие капиталистические страны резко осудили действия Китая с политической и гуманитарной точек зрения (нарушение прав человека). В целом они рассматривали тибетский конфликт в духе «холодной войны» и проводили параллель между тибетским и венгерским восстаниями, называя Тибет «второй Венгрией». Что касается СССР и стран соцлагеря, то они, как и следовало ожидать, выступили в защиту КНР. Позиция советского руководства была предельно четко выражена в заявлении «Правды» от 5 апреля, возложившем всю вину за случившееся на местное тибетское правительство: «реакционную верхушку» Тибета, которая, «войдя в сговор с империалистическими кругами за рубежом и чанкайшистской бандой... пошла на открытую измену родине». При этом повторялся основной тезис Пекина, что Тибет является «неотъемлемой частью Китая». Бегство же Далай-ламы из Тибета интерпретировалось как его «похищение» мятежниками – версия, официально выдвинутая Пекином, чтобы снять с себя ответственность за несанкционированный отъезд из страны наиболее влиятельного тибетского лидера.

Разделяя в целом точку зрения Пекина на тибетские события, Москва, однако, воздержалась от публичной критики индийского правительства за его «вмешательство во внутренние дела Китая», как это сделали руководители КНР³⁵. Подобная сдержанность СССР, очевидно, объяснялась нежеланием Н.С. Хрущева портить дружеские отношения с Дж. Неру.

Руководство СССР, конечно же, хорошо знало о сильных антикитайских настроениях тибетского населения и вооруженной борьбе камско-амдосских племен, но его не в меньшей степени беспокоила и тибетская оппозиция на севере Индии (в Калимпонге и Даржилинге), которую возглавляли старшие братья Далай-ламы Гьело Тондуп и Такцер Римпоче (Тубтен Джигме Норбу). 12 февраля 1959 г., приблизительно за месяц до лхасского восстания, Политбюро ЦК заслушало сообщение министра иностранных дел А.А. Громыко о «подрывной деятельности против КНР, проводимой западными державами на индокитайской границе», и приняло решение о передаче этой информации «китайским друзьям». В докладе Громыко, в частности, говорилось о «сети английского шпионажа», созданной в Калимпонге и примыкающих к нему районах бывшим главой английской миссии в Лхасе Х. Ричардсоном, выехавшим из Тибета в 1951 г. К этой шпионской группе принадлежал и известный англичанин-буддист, содержавший «частный монастырь» в Гималаях Бикшу Сангаракшита. «В Калимпонге и Даржилинге, – утверждал Громыко, – осела большая группа тибетцев, бежавших в Индию после прихода в Тибет Китайской Народной Армии. Реакционная деятельность этой группы, направленная против КНР, возглавляется братом Далай-ламы Gialo Tandup и бывшим министром финансов Tsipon Shakabpa».³⁶

В конце апреля того же года МИД разослал в дипломатические представительства СССР за рубежом специально разработанные «указания», разъясняющие официальную советскую позицию в связи с лхасским восстанием. «События в Тибете, – говорилось в этом документе, – являются внутренним делом КНР и вмешательство в тибетские дела недопустимо ни под каким предлогом. Советский Союз полностью поддерживает ме-

роприятия китайских друзей, направленные на ликвидацию мятежа и на осуществление демократических преобразований в Тибете»³⁷.

Тем временем бежавший в Индию Далай-лама 9 сентября направил послание генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду. Напоминая об отложенном в ноябре 1950 г. рассмотрении на ГА вопроса об агрессии Китая против Тибета в надежде на мирное урегулирование конфликта, Далай-лама в нем сообщал, что эта агрессия до сих пор не закончилась, а напротив, приобрела более широкие масштабы, фактически охватив всю территорию Тибета. «В этих обстоятельствах и ввиду бесчеловечного обращения и преступлений против человечности и религии, которым подвергается тибетский народ, я прошу немедленного вмешательства ООН»³⁸. В результате в повестку дня XIV сессии ГА ООН, по инициативе представителей Малайзии и Ирландии, был включен вопрос о нарушении Китаем прав человека в Тибете, и затем канцелярия генсека распространила письмо Далай-ламы среди государств – членов ООН и сделала его достоянием прессы.

В СССР вполне ожидали подобного развития событий. Еще в начале августа представитель СССР в ООН В.В. Кузнецов направил в МИД записку «О мероприятиях в связи с возможностью обсуждения “тибетского вопроса” на XIV-ой сессии ГА».³⁹ А месяц спустя Политбюро утвердило «директивы» делегации СССР в ООН по вопросам, подлежащим рассмотрению на ГА, в том числе и по тибетскому, на случай возможных «провокационных выступлений» против КНР в связи «с реакционным мятежом в Тибете». В соответствии с этими инструкциями советской делегации следовало «выступать против любых попыток поставить в той или иной форме в ООН так называемый тибетский вопрос, квалифицируя это как проявление грубого вмешательства во внутренние дела КНР, не совместимого с основными принципами ООН, в частности с п. 7 ст. 2 Устава ООН». Давая отпор «враждебным высказываниям» по этому вопросу, делегаты должны были «разъяснять истинный характер тибетских событий, подчеркивать, что затеянная определенными кругами тибетская авантюра является попыткой вмешаться во внутренние дела социалистических государств и обострить международную напряженность». В случае же включения «тибетского вопроса» в повестку дня делегации СССР надлежало «принять участие в прениях, возражать и голосовать против любых предложений, направленных на вмешательство во внутренние дела Китая»⁴⁰. В то же время представитель СССР при ООН (В.В. Кузнецов) получил указание посетить Д. Хаммаршельда и заявить ему, что СССР считает неприемлемым его намерение распространить в качестве документа XIV сессии ГА поступившую из Индии телеграмму Далай-ламы, поскольку Далай-лама – «частное лицо», а не «официальный представитель»⁴¹.

Несмотря на противодействие СССР и стран советского блока, XIV сессия ГА ООН рассмотрела тибетский вопрос в плане нарушения китайскими коммунистами прав человека в Тибете, которые представитель США охарактеризовал как «зверства, равносильные преступлению геноцида». Державы, однако, не решились поставить этот вопрос в плоскости политического статуса Тибета (к чему по сути и сводится тибетская проблема), против чего решительно возражал представитель Тайваня, заявивший, что «Тибет – часть Китая». Глава делегации СССР, строго следуя полученным инструкциям, также выступил против обсуждения тибетского вопроса, приведя основные аргументы советской стороны: 1) такое обсуждение будет способствовать росту напряженности в мире и помешает начинающемуся улучшению международных отношений; 2) постановка вопроса о нарушении прав человека в Тибете будет означать вмешательство во внутренние дела Китая, что противоречит положениям Устава ООН. Тем не менее 21 октября XIV сессия ГА ООН большинством голосов приняла резолюцию, в которой выражалась

озабоченность по поводу «поступающих сообщений, включая официальные заявления ... Далай-ламы о том, что тибетский народ насильственно лишен основных прав и свобод», и содержался призыв к Китаю уважать основные права тибетского народа, его культуру и религию⁴².

Поведение делегации СССР при обсуждении тибетского вопроса ГА ООН и пропагандистские публикации в советской прессе в 1959 г. свидетельствовали о безусловной поддержке Кремлем политики Китая в Тибете. В действительности, однако, советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым было недовольно тем, как китайские коммунисты решают тибетскую проблему. Это недовольство являлось одной из причин начавшегося во второй половине 1950-х годов ухудшения советско-китайских отношений, в основе которого лежали идейно-политические расхождения руководства двух братских стран и партий по ряду ключевых вопросов современности (вопросы войны и мира, развития мировой социалистической системы и др.).

По сути это было столкновение возросших политических амбиций Москвы и Пекина, которое в личностном плане сводилось к конфликту Н.С. Хрущева и Мао Цзэдуна. Хрущев откровенно пытался руководить коммунистическим строительством в Китае, не слишком считаясь с национальными чувствами китайцев. Мао же хотел идти своим собственным, «китайским путем»: его не устраивала роль «младшего брата», послушно исполняющего указания Кремля, и все более раздражал «русский национализм», принижающий значение великой китайской нации, что проявлялось в высокомерно-пренебрежительном отношении к китайцам некоторых советских советников. Стратегическая цель внешней политики Мао Цзэдуна и его сподвижников состояла в том, чтобы «утвердить Китай в качестве “срединной” мировой державы, окруженной послушной периферией, и добиться мирового господства»⁴³. Как справедливо отмечает О.А. Трояновский, «Китай, который по праву считал себя великой державой, не мог в течение долгого времени оставаться на вторых ролях в каком-либо ансамбле. Между тем в союзе с СССР он был обречен именно на такую роль».⁴⁴

В начале октября 1959 г., во время правительственного визита делегации СССР в Пекин на празднование 10-летия образования КНР, между Н.С. Хрущевым и Мао Цзэдуном произошла перепалка, поводом для которой послужило заявление ТАСС в связи с вооруженным конфликтом на индо-китайской границе. Мао возложил вину за пограничный инцидент на индийское правительство, в частности на Дж. Неру, Хрущев же, напротив, виноватыми считал китайцев, допустивших кровопролитие (убийство нескольких индийских пограничников) и чрезмерно раздувших затем конфликт локального масштаба. Разговор невольно перешел на другую острую тему – о Тибете. Хрущев заявил, что тибетские события – «это вина Коммунистической партии Китая», а не вина Неру, как утверждал Пекин. Китайцам не следовало допускать ухода Далай-ламы из Тибета. «Будь мы на вашем месте, мы бы не дали ему уйти», добавив при этом цинично: «Лучше бы, если бы он был в гробу». Бегство Далай-ламы в Индию, с точки зрения советского лидера, было чревато неприятными последствиями: находившийся в Индии Далай-лама мог в любое время отправиться в США и нанести ущерб социалистическим странам. Мао парировал эти обвинения, отметив, что Китай не мог воспрепятствовать уходу Далай-ламы, «ибо граница Индии имеет большую протяженность, и он мог перейти ее в любом пункте». Такой довод, однако, не убедил Хрущева: «Вы господствовали в Тибете, должны были там иметь свою разведку и знать о планах и намерениях Далай-ламы»⁴⁵. Тибетская тема затем еще несколько раз всплывала в ходе беседы. Так, Хрущев критиковал Китай за непроведение в Тибете радикальных реформ, но Мао оправдывался: «Решение об

отложении преобразований было принято раньше, до того как Далай-лама побывал в Индии (в 1956/57 г. – А.А.). Мы не могли без повода начать там наступление»⁴⁶.

В то же время как государственный деятель Хрущев отнесся сочувственно, с пониманием, к позиции Дж. Неру в тибетском вопросе, исходившей из соображений национальной безопасности Индии. В своих мемуарах он писал: «Индия заняла тогда антикитайскую и протибетскую позицию. Она, хотя и не прямо, но довольно явно выражала симпатии тибетцам. Я говорил китайским товарищам, что следует отнестись к этому факту терпимо и с пониманием. Ведь Неру политически трудно поддерживать Китай в тибетском деле. Надо иметь в виду, что Тибет граничит с Индией, которой более всего выгоден независимый Тибет, слабая страна, не представляющая никакой угрозы для Индии. Китайский же Тибет мозолит ей глаза»⁴⁷.

Таким образом, в конце 1950-х, в связи с лхасским восстанием и бегством Далай-ламы в Индию, Москва стала проявлять определенное недовольство политикой Китая в Тибете, что отчасти являлось отражением начавшихся трений между двумя государствами. При этом, однако, советская критика китайских властей за допущенные ошибки не была публичной и не выходила за рамки внутреннего советско-китайского диалога. Вместе с тем позиция СССР по вопросу о статусе Тибета оставалась неизменной: Кремль продолжал считать Тибет неотъемлемой частью Китая и был готов оказать всемерную поддержку КНР в этом вопросе на международной арене.

⁴⁶ Богословский В.А. Политика Далай-ламы в Тибете. М., 2002. С. 10–14.

⁴⁷ О русско-тибетских отношениях в 1898–1914 гг. см.: 1) Шаумян Т.Л. Тибет в международных отношениях начала XX в. М., 1977; 2) Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2001; Shaumian T. Tibet: The Great game and tsarist Russia. New Delhi, 2000; Кулешов Н.С. Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992; Kuleshov N.S. Russia's Tibet file. Dharamsala, 1996.

⁴⁸ О советско-тибетских отношениях см.: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в 1-й половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). С.-Петербург; Самара; Прага, 1997; Andreyev A. Soviet Russia and Tibet: The debacle of secret diplomacy. Leiden; Boston, 2003.

⁴⁹ Рахимов Т.Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао. М., 1968. С. 62; Гафуров Б.Г. Октябрьская революция и национально-освободительное движение. М., 1967. С. 133.

⁵⁰ Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М., 1958. С. 93.

⁵¹ Lamb A. Tibet, China & India, 1914–1950. A History of imperial diplomacy. Hertingfordbury (UK). P. 519, 534.

⁵² Laird Thomas. Into Tibet: The CIA first atomic spy and his secret expedition to Lhasa. New York, 2002. P. 120–121.

⁵³ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участников событий, 1937–1952. М., 1999. С. 77.

⁵⁴ Там же. С. 89.

⁵⁵ Ледовский А.М. Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 г. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 40–41.

⁵⁶ Goldstein M. A History of modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist state. Berkeley; Los Angeles; London, 1989. P. 673.

⁵⁷ Ibid. P. 676; см. также: Шакабпа Ценон В.Д. Тибет: Политическая история. СПб., 2003. С. 317.

⁵⁸ Клинов А.С. Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. – конец XX века). Майкоп, 2000. С. 296.

⁵⁹ Goldstein M. Op. cit. P. 734–735.

⁶⁰ Ibid. P. 735–736; см. также: Клинов А.С. Указ. соч. С. 296–301.

⁶¹ Правда. 1951. 29 мая; см. также: Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете, 1888–1919. М., 1956. С. 220–222; об обстоятельствах, приведших к подписанию соглашения, и его подробный анализ см.: Shakya Tsering. The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947. London, 1999. P. 61–91; Goldstein M. Op. cit. P. 737–772.

- ¹⁷ *Shakya Tsering*. Op. cit. P. 71.
- ¹⁸ Правда. 1951. 15 сентября.
- ¹⁹ Правда. 1951. 16 ноября.
- ²⁰ *Ледовский А.М.* Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Энляем в августе–сентября 1952 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 80.
- ²¹ Устное сообщение М.И. Демиденко. Вторая поездка советников вкратце упомянута в кн.: *Демиденко М.И.* По следам СС в Тибет. СПб., 2004. С. 173, 182.
- ²² *Goldstein M.* On modern Tibetan history: Moving beyond stereotypes // *Tibet and her neighbours: A History* (ed. A. McKay). London, 2003. P. 219–221.
- ²³ Ibid. С. 222.
- ²⁴ *Богословский В.А.* Тибетский район КНР (1949–1976). М., 1978. С. 52–61.
- ²⁵ *Леонтьев В.П.* Иностранная экспансия в Тибете. М., 1956; *Кассис В.Б.* 80 дней в Тибете. М., 1956; *Овчинников В.В.* Путешествие в Тибет. М., 1957; *Гуревич Б.П.* Освобождение Тибета. М., 1958; *Уинингтон А.* Тибет: Рассказ о путешествии. М., 1958 (с предисловием В.П. Леонтьева).
- ²⁶ *Овчинников В.В.* 1) Путешествие в Тибет. С. 82–87; 2) Вознесение в Шамбалу. Сто дней в Тибете пятидесятых и девяностых. М., 1997. С. 42, 66–67.
- ²⁷ *Овчинников В.В.* Путешествие в Тибет. С. 168–170.
- ²⁸ Свобода в изгнании. Автобиография Его Святейшества Далай-ламы Тибета. СПб., 1992. С. 95.
- ²⁹ Там же. С. 96.
- ³⁰ *Клинов А.С.* Указ. соч. С. 314, 331.
- ³¹ Подробнее об этом см.: *Богословский В.А.* Тибетский район КНР. С. 61–69.
- ³² Там же. С. 170–184; подробнее о деятельности ЦРУ в Тибете см.: *Grunfeld A.T.* A brief survey of Tibetan relations with the United States // *Tibet and Her Neighbours*. P. 199–205.
- ³³ *Богословский В.А.* Ук. соч. С. 86–87.
- ³⁴ *Shakya Ts.* Op. cit. P. 208–209.
- ³⁵ Китай (иллюстрированный журнал). Пекин. 1959. 20 мая. С. 5, 7.
- ³⁶ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 739 (Китай, КНР – О Тибете, 1922–1962). Л. 93–96.
- ³⁷ Там же. Л. 98–100.
- ³⁸ *Shakya Ts.* Op. cit. P. 225–226.
- ³⁹ Архив Президента РФ. Л. 117–122. Записка В.В. Кузнецова, 6 августа 1959.
- ⁴⁰ Там же. Л. 123–124.
- ⁴¹ Там же. Л. 126.
- ⁴² *Клинов А.С.* Указ. соч. С. 337–341; Тибет: Права человека и законность. Официальное заключение Международной юридической комиссии. Дхарамсала (Индия), 1998. С. 25 (приложение 3).
- ⁴³ История внешней политики СССР. Т. 2: 1945–1975. М., 1976. С. 376.
- ⁴⁴ *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. М., 1997. С. 347.
- ⁴⁵ *Зубок В.М.* Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля – 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 99, 100.
- ⁴⁶ Там же. С. 103.
- ⁴⁷ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания. М., 1999. С. 85.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2005 г.